

Вадим Дамье

**Испанская революция
и коммуны Арагона**

В 1936-1937 гг. в Испании происходила социальная революция, не знавшая себе равных. В гораздо большей степени, чем все предшествовавшие и последующие народные взрывы она приблизилась к осуществлению вековой мечты человечества о свободе, равенстве и солидарности.

В отличие от многих стран, где пролетариат попал в подчинение марксистским и ленинистским партиям, среди испанских трудящихся преобладал анархо-синдикализм. Анархистская профсоюзная конфедерация НКТ объединяла к моменту революции 1,6 миллионов пролетариев и крестьян (в том числе свыше 300 тысяч членов Федерации Анархистов Иберии). Они традиционно стремились не к захвату государственной власти, а к полному разрушению государства и капитала, к созданию нового общества на основе анархистского коммунизма. Для сравнения: в социалистическом профсоюзе ВСТ было около 1,4 миллионов членов, в компартии — 33 тысячи¹.

Испанский анархизм опирался на прочные общинные (коммунитарные) традиции. Вот что писал об этом немецкий исследователь Й. Хельвеге: «Муниципия, испанское пуэбло, как почти автаркическая, автономная общественная единица, в которой могли стихийно создаваться институты и механизмы самоуправления, была реальностью до тех пор, пока с ростом бюрократизация мира в эту идиллию не вмешалось государство во всем его всемогуществе и со всеми его слугами и не начало ее разрушать. Организационный талант и склонность испанского населения к самоуправлению проявлялись в точных, детально разработанных правилах, по которым регулировались споры, занимались должности в братствах, осуществлялись совместные работы пуэбло по расчистке, обработке и охране участков общинной земли, наконец, распределялся между членами общины на общих собраниях полученный урожай. Именно в этих коллективных психологических настроениях и в опыте, который местами . . . мог уже давно отойти в прошлое, следует искать корни хилиастическо-анархистских движений»².

В городах и сельских районах Испании существовала древняя традиция вольностей. Средневековые города Иберийских королевств пользовались правами самоуправления и даже создавали федерации (братства) для борьбы с феодалами. Но после подавления восстания «коммунерос» в 16 в. эта автономия была сломлена. В деревне же община держалась долго и прочно. Здесь она тоже имела опыт борьбы с деспотизмом. Достаточно вспомнить, например, знаменитую пьесу Лопе де Вега «Фуэнте Овехуна»: восставшие крестьяне расправляются со своим мучителем — сеньером, а затем гордо идут на королевский суд и на вопрос «кто это сделал», заявляют: вся община, вся Фуэнте Овехуна.

¹ Г. Константинов. Поуките от една революция. // «Свободна мисъл». 1997. №11. С.4. В ходе революции число членов НКТ выросло до 2 млн.

² J. Hellwege. Genossenschaftliche Tradition und die Anfaenge des Anarchismus in Spanien. O.O., o.J.

Анархизм в сельской Испании попал на благодатную почву. Возможно, именно этими традициями объясняется та почти религиозная страсть, с которой крестьяне Арагона будут создавать свои коллективы в 1936 г. Немецкий анархист Аугустин Зухи описывал то, что он увидел в арагонском селении Муньеса (1700 жителей). В село вернулся анархист, проработавший много лет в Барселоне. Его сразу же избрали алькальдом (мэром). «Он выполнял свои функции в зале общинного совета. На столе лежало испанское издание книги Кропоткина «Хлеб и воля». По вечерам члены коллектива собирались и кто-нибудь читал книгу вслух. Это было новое евангелие. Там было черным по белому написано, что следует делать, чтобы добиться благосостояния для всех». Не приходится удивляться, что жители селения с восторгом восприняли предложение вернувшегося из Барселоны земляка провозгласить либертарный коммунизм³.

Впрочем, и психология рабочего класса тогдашней Испании сильно отличалась от настроений в современном «массовом» обществе, где люди живут, как изолированные друг от друга атомы, не имеющие ничего общего со своими соседями и своим окружением. М. Букчин справедливо замечал, что на пролетарский социализм тех лет «оказала влияние . . . уходящая корнями в деревню и небольшой город значительная пролетаризация крестьян, которых принуждали оставить деревни и сельскохозяйственную культуру. То, что они принесли (в город, — прим. авт.) эту докапиталистическую культуру с ее естественными ритмами и ценностями, имеет ключевое значение для объяснения характера их недовольства и воинственности. . . Первокласные рабочие — анархисты Барселоны, которые . . . сжигали деньги в лихорадочные дни июльского подъема 1936 г., действовали под влиянием глубоко утопических и этических импульсов, а не просто исходя из экономических интересов. . . Пролетариат конца XIX — начала XX в. был особой социальной породой. Она была. . . стихийна в жизненной естественности своего поведения, разгневана утратой своей автономии и сохраняла в своих ценностях разрушенный мир ремесла, любовь к земле и общинную солидарность»⁴. Это разлагающее человеческую солидарность воздействие капитализма и индустриализма хорошо понимали многие анархисты. Недаром аргентинская анархистская рабочая организация ФОРА призывала остановить экспансию индустриального капитализма, пока еще не поздно.

Но неправильно было бы думать, что анархизм распространялся по Испании сам собой. Популярность либертарных идей была, конечно, и результатом самоотверженной многодесятилетней работы испанских анархистов. Они создавали не только союзы городских рабочих, но и союзы сельскохозяйственных работников, действовали среди крестьян. Большую роль здесь сыграли

³ A. Souchy. Nacht ueber Spanien. Grafenau, 1987. S.145.

⁴ M. Bookchin. Die Neugestaltung der Gesellschaft. Grafenau, 1992. S.127, 128.

анархисты-учителя. Они отправлялись в самые глухие и заброшенные районы страны, учили людей грамоте и связывали обучение с пропагандой анархизма⁵. Для многих простых людей Испании т.о. грамотность, знания навсегда оказались связанными именно с анархизмом.

В испанском анархо-синдикализме, как и у анархистов других стран, долгое время не было единых, общепризнанных представлений о социальной цели, об обществе будущего. Люди скорее понимали, чего они не хотят, нежели сознавали, чего следует добиваться. Тем более, что жизнь трудящихся была достаточно тяжелой, времени и сил для теоретизирования было мало. Официально анархо-синдикализм в Испании долго следовал ранним коллективистским идеям бакунинского крыла 1 Интернационала, потом соблюдал некий плюрализм. И только в 1919 г. испанская НКТ официально провозгласила в качестве цели либертарный коммунизм⁶. Но даже после этого идейная и практическая неясность сохранялась, несмотря на попытки многих анархистов преодолеть ее.

Опыт шел здесь впереди теории. В 1932-1933 гг. по всей Испании прокатились анархистские восстания. Восставшие захватывали городки и села и провозглашали либертарный коммунизм. Эпицентром движения стала аграрная Андалусия, где крестьяне вели отчаянную борьбу с помещиками-латифундистами, а также Арагон и Каталония. Что это означало на практике? Об этом рассказывает в своей книге испанский анархо-синдикалист Жозе Пейратс: населенные пункты объявлялись свободными муниципиями (коммунами), «для революционеров все разворачивалось со скоростью света: поднять черно-красное знамя над мэрией, провозгласить либертарный коммунизм, сжечь на площади архивы, документально устанавливавшие право собственности и публично объявить об отмене денег и эксплуатации человека человеком». Обычно «либертарный коммунизм провозглашался без каких-либо трудностей и жертв. Мир, радость и похожая на рай гармония царили вплоть до прихода войск»⁷. После этого движение кроваво подавлялось. Времени для развития опыта у активистов не было.

Тем не менее, общее направление действий не подлежало сомнению. Оно было очерчено в листовках, распространенных Национальным революционным комитетом перед запланированным на декабрь 1933 г. общим восстанием: «рабочие призывались занять фабрики, шахты и мастерские и установить контроль над производством. На производственных объектах должны были быть созданы рабочие комитеты, которые должны были соединяться на местном уровне в рабочие Советы. Население сельских районов должно было образо-

⁵ G. Leval. Das libertaere Spanien. Hamburg, 1976. S.39-40; J. Peirats. Les anarchistes espagnols. Revolutions de 1936 et lutttes de toujours. Toulouse, 1989. P.115-116.

⁶ CNT-AIT: Estatutos, normativa confederal y esructura organica. S.l., s.a. P.24.

⁷ J. Peirats. Op. cit. P.71.

вать вольные коммуны, объединяющиеся на уровне округов. Крупные склады продовольствия подлежали экспроприации, продукты питания должны были распределяться через кооперативы. Должна была быть создана вооруженная рабочая милиция. . . »⁸.

В 30-е годы в испанской НКТ по существу сложились два идейных течения: коммунитаристское и индустриалистско-синдикалистское⁹. Это было как бы продолжение старых споров между анархо-коммунистами и революционными синдикалистами начала века. Речь шла о том, что делать после революции — победоносной всеобщей стачки и восстания. Коммунитаристы, следуя анархо-коммунистической традиции, считали, что основой будущего общества должна стать вольная коммуна («свободная муниципия»), максимально автономная и самообеспечивающаяся. Соответственно они недооценивали проблемы экономических связей и хозяйственного взаимодействия между такими коммунами, полагая, что те просто смогут дарить друг другу излишки. Индустриалисты склонялись к революционно-синдикалистской схеме, по которой после революции централизованные фабричные хозяйственные структуры и формы организации экономики сохранятся и перейдут из частных или государственных рук под управление ассоциированных синдикатов (профсоюзов). Они уделяли большое внимание проблемам работы экономики как единого комплекса и разрабатывали принципы либертарного планирования. Как у тех, так и у других были свои сильные и свои слабые стороны. Споры шли острые, работы и статьи с аргументами исчислялись десятками. Наиболее известными теоретиками коммунитаристов выступили писатель и публицист Федерико Уралес (отец известной анархистки Федерики Монтсени и редактор теоретического и художественного журнала «Ревиста бланка») и врач Исаак Пуэнте. Уралес соединил аргументацию Кропоткина с традицией испанских сельских общин, считая их наиболее подходящей базой для реализации коллективистских принципов солидарности. Он утверждал, что революция разразится после фазы кризиса капитализма и приведет к возрождению коммунитарных традиций в свободных деревнях. Эти идеи были популяризированы врачом и публицистом Исааком Пуэнте, одним из лидеров повстанческого движения 1932 г. и членом Национального революционного комитета НКТ 1933 г. Он написал книгу «Либертарный коммунизм — цель НКТ». В ней содержался план создания системы либертарного коммунизма в Испании и аргументы в пользу его возможности. Как и Уралес, Пуэнте следовал за Кропоткиным в истолковании социальных наклонностей человека. Он отвергал идею революционной или послереволюционной элиты и переходного периода. Коммунитарное движение он считал отвечающим именно социаль-

⁸ A.Paz. Durruti: Leben und Tode des spanischen Anarchisten. Hamburg, 1994. S.316.

⁹ Y. Oved. «Comunismo libertario» and Communalism in the Spanish Collectivization (1936-1939). // Anarchism: Community and Utopia. Prague, 1993. P.172.

ным инстинктам человека. Пуэнте исходил из возможности того, что Испания первая установит у себя либертарный коммунизм и сможет противостоять капиталистическому миру. По его мнению, коммунитарное сельское хозяйство легко накормит страну. И хотя Пуэнте признавал, что в городах функции коммуны могут играть местные федерации производственных синдикатов, он подчеркивал добровольность и социально-экономическую автаркию коммун. Он с недоверием относился к «архитекторам нового мира», к хозяйственному планированию и индустриальному развитию¹⁰. Книга имела огромную популярность в анархистских кругах, переиздавалась и обсуждалась.

Одним из основных теоретиков индустриалистов выступил Диего Абад де Сантильян. Свою анархическую работу он начинал в Аргентине и там следовал анархо-коммунистическим и непредрешенческим позициям ФОРА. В Испании он переменял свои взгляды, за что латиноамериканские анархисты впоследствии с презрением называли его шутом-акробатом¹¹. Его книга «Экономический организм революции» хвалит современную индустрию и говорит о необходимости планирования и экономической координации. Он критикует Кропоткина за экономический локализм и объявляет вольные коммуны анахронизмом, реакционной утопией. Абад де Сантильян придавал большую роль свободному экспериментированию, оставляющему место различным формам будущего общества. Но в принципе то, что он предлагал — это скорее жесткая структура синдикальной организации всего общества¹². Интересно, что как у него, так и у других индустриалистов (вроде голландца Корнелиссена или француза Бенара), либертарный коммунизм понимался скорее как переходное общество на пути к анархии — то, чем для марксистов служит «диктатура пролетариата».

Расхождения между анархистами и революционными синдикалистами сопровождались тактическими разногласиями и приводили к расколам. Только в мае 1936 г. в Сарагосе был созван конгресс НКТ, на котором была принята программная «Концепция либертарного коммунизма». Она синтезировала идеи и положения обоих течений, но все же опиралась скорее на проект Пуэнте. Либертарный коммунизм (от каждого по способностям, каждому по потребностям в рамках экономической возможности) должен был установиться без переходных периодов сразу после победоносной социальной революции. В основе будущего свободного общества должна была лежать двойная организация — территориальная (вольные коммуны и их федерации) и отраслевая (синдикаты). Программа выступала за децентрализованное планирование снизу на основе статистического определения потребностей и производственных

¹⁰ См. также: I. Puente. *Libertarian Communism*. Sydney, 1985.

¹¹ M. Azaretto. *Las Pendientes Resbaladizas*. (Los anarquistas en Espana). Montevideo, 1939. P. 107.

¹² См.: D. Abad de Santillan. *Der Oekonomische Organismus der Revolution*. // D. Abad de Santillan, J. Peiro et al. *Oekonomie und Revolution*. Wien, 1986. S.103 — 154.

возможностей. Деньги подлежали отмене и замене карточкой производителя и потребителя. Государство и постоянная армия упразднились и заменялись федерацией коммун и рабочей милицией¹³.

Как видим, программа была вполне разработана. Но она не успела проникнуть в умы и настроения людей как нечто целое, а не только как набор отдельных истин. Так и получилось, что когда в Испании внезапно началась революция — которую так долго ждали — анархисты оказались к ней и готовы, и не готовы. «Когда революция разразилась, — писал исследователь анархизма Яков Овед, — в радикальных и анархистских кругах немедленно появились упования на то, что долгожданная революционная ситуация, наконец, наступила и вскоре будет осуществлен либертарный коммунизм. Но события первых недель гражданской войны показали, насколько руководство НКТ было неподготовлено и развитие местной инициативы опережает центральные инструкции». Впрочем, добавляет он, вскоре стало очевидно, что установление либертарного коммунизма по стране так и не было в достаточной мере подготовлено¹⁴.

17 июля 1936 г. в стране вспыхнул военно-фашистский мятеж. В ответ рабочие вышли на улицы, вооружились и соорудили баррикады. Они вступили в бой с мятежниками. В течении 3 дней путч был подавлен на большей части территории Испании.

После боев анархисты стали фактически хозяевами Барселоны. Улицы патрулировались вооруженными рабочими ополчениями. Созданные НКТ, ФАИ и «либертарной молодежью» органы восстания — «комитеты защиты» в городских кварталах превратились в революционные комитеты и объединились в «федерацию баррикад». Каждая баррикада была представлена в революционном комитете делегатом. Новые организации контролировали всю общественную жизнь города, организовали снабжение продовольствием и т.д., посылали делегатов в села, чтобы укрепить возникшие там революционные комитеты. Начал формироваться новый социальный организм. По инициативе комитетов рабочие заняли ломбарды и раздали нуждающимся одежду, матрасы, швейные машины. . . Было несколько случаев, когда рабочие и работницы захватывали банки и сжигали деньги — символ ненавистного старого мира угнетения.¹⁵

В этот момент анархистами была допущена первая роковая ошибка. Она состояла, конечно, не в том, что они не захватили власть, как их в этом обвиняют троцкисты, а в том, что они не свергли ее. Региональный комитет НКТ Каталонии долго обсуждал, что делать в создавшейся ситуации. Глава регио-

¹³ Concepto Confederal del Comunismo Libertario. // Congresos anarcosindicalistas en Espana 1870-1936. Toulouse — Paris, 1977. P.157-175.

¹⁴ Y. Oved. Op. cit. P. 176, 177.

¹⁵ A. Paz. Durruti. Hamburg, 1994. S.406, 424, 429-431, 681-682.

нального правительства Л. Компанис позвонил секретарю Каталонской НКТ Мариано Васкесу и предложил переговоры. Вначале тот говорил с премьером в весьма иронических тонах. Член ФАИ Гарсия Оливер (в будущем сам министр и создатель «анархо-партии», но тогда еще левый) предложил немедленно провозгласить либертарный коммунизм. Но это предложение не было принято. Абад де Сантьян выступил за союз с другими антифашистскими силами. Промежуточная позиция сводилась к тому, чтобы, не входя в структуры власти, оказывать на них давление для осуществления социализации промышленности и сельского хозяйства, пока правительство, лишённое всякой власти, не падёт само. 21 июля собрался пленум Каталонской НКТ. Дуррути и Гарсия Оливер предлагали «идти до конца», не боясь обвинений в «анархистской диктатуре». Но актив решил иначе. Не имея уверенности в успехе в других регионах, делегаты сочли, что «никакого либертарного коммунизма нет», то есть по сути, революции не происходит, необходимо укреплять антифашистское единство¹⁶. Это была исходная ошибка, которая предопределила другие, последующие. События стали развиваться по собственной логике. Анархисты вошли в сформированный на коалиционных началах полуправительственный орган — Комитет антифашистских милиций. Через несколько месяцев за этим — несмотря на сопротивление радикальной части НКТ, ФАИ и Либертарной молодежи — последовало вступление НКТ в каталонское и общеиспанское правительство. Большинство «лидеров» НКТ пожертвовало немедленной социальной революцией ради — как очень скоро выяснилось — призрачного антифашистского единства.

Но рядовые активисты анархистского движения, вдохновлявшиеся теми чувствами и идеями, о которых я говорил в начале, не стали ждать указаний «лидеров». По словам французских анархистов Прюдоммо, «в базисе» движения руководствовались своими аргументами: «Присутствие членов НКТ и ФАИ в правительственных органах — это всего лишь компромисс, навязанный обстоятельствами, временное отступление в революции. У революции есть лишь один инструмент — это массы, организованные на уровне коммуны и предприятия»¹⁷. «Часто случалось так, — подтверждает Г. Леваль, — что делегаты из провинции, от небольших городов и деревень, переполненные разговорчивостью наших бесконечных болтунов, одобряли участие в правительстве, поскольку чувствовали себя потрясенными положением, которое было им описано в самых темных красках. . . Но как только они возвращались в свои города и деревни, они продолжали строить новое общество. Они не считали себя связанными политическими маневрами. . .»¹⁸

Трудящиеся-анархисты сами начали социальную революцию, доказав тем

¹⁶ A. Paz. Durruti. Hamburg, 1994. S.437-445.

¹⁷ A. Prudhommeaux, D. Prudhommeaux. L'Espagne Libertaire. Bordeaux, 1974. P.20-21.

¹⁸ G. Leval. Op. cit. S.76.

самым жизненность анархистских идей. И в своих действиях они — сознательно или нет — ориентировались на идеи либертарного коммунизма. Но несоординированность и полная стихийность социальных преобразований очень скоро принесла огромные трудности и мешала их успеху.

Ленинистские критики испанского анархизма (например, троцкисты) утверждают, что антиэтатистские, антивластнические традиции испанского анархизма предопределили его слабость и растерянность в вопросе о власти. По их логике, отказавшись взять власть, они неизбежно должны были передать ее буржуазии. Действительность выглядела совершенно иначе. Ошибка НКТ была не в том, что она не взяла власть, а в том, что она не разрушила ее, не провозгласила либертарный коммунизм, как это предусматривалось Сарагосской программой. Но даже и в этой ситуации анархизм проявил силу своих принципов и свои преимущества перед ленинистскими концепциями. Рядовые члены НКТ приступили к совершению революции, не дожидаясь решений комитетов и пленумов Конфедерации, независимо от них и их политических уступок и колебаний. Такое было возможно только в анархистской организации. Вряд ли это было мыслимо при ленинистских организационных структурах с их жесткой дисциплиной и децентрализмом!

Пролетарии не собирались возвращать власть республиканским капиталистам, которые проявили полную неспособность бороться с фашизмом. Профсоюзы захватили большинство фабрик и заводов, прежде всего в индустриальном районе Каталонии. Многие предприятия были отняты у хозяев и перешли под управление анархистских и социалистических профсоюзных комитетов. По некоторым данным, так случилось с 70% предприятий Барселоны и 50% в Валенсии¹⁹ (Из 24 млн. жителей Испании в промышленности были заняты около четверти, в сельском хозяйстве — больше половины²⁰).

Но вскоре трудящиеся оказались перед новой проблемой. Анархистская терминология тех лет проводила различие между «коллективизацией» и «социализацией». Под первой понимался захват предприятия трудовым коллективом и переход его под управление профсоюзов. Под второй — обобществление в масштабах общества, с налаживанием новых экономических связей на нерыночной и не бюрократической основе. В теории первая считалась первым шагом ко второй. Беда была, однако, в том, что этот переход так и не состоялся, поскольку товарно-денежные отношения в целом не были ликвидированы, а деньги сохранялись у государства и капиталистов. По словам Гастона Леваля, автора прекрасной и подробной книги об испанской революции, «очень часто рабочие в Барселоне и Валенсии, завладев фабрикой, мастерской, машинами и сырьем, организовывали производство своими силами и продавали продукт

¹⁹ A. von Borries. Spanien, Juli 1936 — Die unbekannte Revolution. // Unter dem Pflaster liegt der Strand. Bd.2. Berlin, 1980. S.27.

²⁰ G. Leval. Op. cit. S. 216.

своего труда ради личной выгоды, причем использовали для этого сохранение денежной системы и характерные для капитализма торговые отношения. Декрет 1936 г., который легализовал коллективизацию, не позволил им идти дальше, и тем самым, веши с самого начала были расставлены неверно. Это была, т.о., не настоящая социализация, а рабочий неокapитализм, своего рода самоуправление, колебавшееся между капитализмом и социализмом, чего не произошло бы — это следует подчеркнуть — если бы революция могла быть полностью осуществлена под руководством наших профсоюзов»²¹. Даже Абад де Сантьян, занимавший в это время пост министра экономики в каталонском правительстве, признал в конце 1936 г.: «Мы многого достигли, но сделали это нехорошо. Вместо старых владельцев мы поставили полдюжины собственников, которые рассматривают предприятия, транспортные средства и контроль над ними как свою собственность, с тем минусом, что они не всегда знают, как организовать управление. . . Нет, мы еще не сделали революции в Каталонии. Нет никакой необходимости создавать в Испании новый вид собственников, следует, напротив, социализировать существенную для капитализма частную собственность». «Мы не организовали тот хозяйственный аппарат, который планировали. Мы довольствовались тем, что изгнали владельцев с фабрик и взяли на себя роль контрольных комитетов. Мы не предприняли никаких попыток установить связи между собой или фактически координировать хозяйство. Мы работали безо всякого плана, не ведая фактически, что творим»²².

Прогресс в положении трудящихся был налицо. Зарплата была существенно повышена, разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми сильно сократился. Люди смогли впервые работать без хозяев и боссов, сами организовать свой труд. В ряде мест и отраслей синдикализация перешагнула уровень отдельных предприятий и распространилась на целые отрасли, начавшие работать скоординировано как одно предприятие (так называемые «группы») (например, все отрасли в Алькое, снабжение газом, водой и электричеством в Каталонии, трамваи в Барселоне, местами — транспорт и здравоохранение)²³. «Руководство» НКТ опубликовало список «неприкосновенных» предприятий иностранцев, опасаясь вмешательства британской эскадры, но рядовые активисты далеко не всегда соблюдали его. На предприятиях, которые по различным причинам не были конфискованы, вводился рабочий контроль. Вопрос о зарплате тоже пал жертвой военно-политических обстоятельств. Так в Валенсии после нескольких попыток отменить деньги и систему зарплаты возобладали т.н. «посемейная оплата»²⁴.

²¹ Ibidem. S. 219

²² D. Abad de Santillan. Zwischenbilanz der Revolution. // D. Abad de Santillan, J. Peiro et al. Oekonomie und Revolution. Wien, 1986. S.196-197, 198.

²³ G. Leval. Op. cit. S.215-272.

Впоследствии были предприняты попытки координации хозяйственной деятельности. Но они, как правильно замечал Даниэль Герен, уже сочетали в себе как либертарные, так и государственнические тенденции. В октябре 1936 г. каталонское правительство издало декрет о коллективизации крупных и частично средних предприятий, чем фактически не просто узаконивал свершившийся факт, но даже ограничивал его масштабы. Самоуправляющиеся предприятия управлялись единообразно — руководящим комитетом из 5-6 человек, который избирался общим собранием на 2 года с переизбранием половины членов каждый год. Комитет назначал директора, которому передавал часть своих полномочий. К каждому комитету был прикреплен правительственный контролер. Комитеты были подконтрольны генсовету отрасли, который состоял из представителей комитетов, синдикатов и технического персонала. Этот совет должен был планировать труд и определять зарплату. Каждый работник получал твердый оклад. НКТ пыталась, в свою очередь, организовать кооперацию и общее планирование. С этой целью были созданы 8 генсоветов для различных отраслей, торговли и финансов. Для равномерного распределения ресурсов создавалась «выравнивающая касса». В декабре 1936 г. в Валенсии профсоюзы решили приступить к организации общего плана во избежание ненужной конкуренции²⁵.

На коллективизированных предприятиях Каталонии экономические решения сохранялись за трудовым коллективом. В его руках оставалась и большая часть прибыли (после создания «промышленной и торговой кредитной кассы» — 50%). На частных предприятиях с рабочим контролем помимо владельца или директора действовал рабочий комитет, имелся и представитель правительства, обеспечивавший связь с генсоветом отрасли. Трудовой коллектив мог распоряжаться 30% прибылей. В целом, по оценке Вальтера Бернекера, «после 19 июля 1936 г. сложилась «координируемая» профсоюзами и «направляемая» государством экономическая система, которая во время всей войны работала динамично и до конца сохраняла двойственную структуру, в которой сосуществовали рядом капиталистическо-частноэкономические и коллективистски-социалистические производственные единицы»²⁶.

Таким образом, в городах властям сравнительно легко удалось взять стихийное народное движение под контроль. С августа 1936 г. под влиянием коммунистов начались национализации под предлогом военной необходимости и работы для фронта. Прежде всего это распространялось на коллективизированные предприятия. Особенно широкие масштабы этот процесс принял после того, как правительство распорядилось в августе 1937 г. приостановить

²⁴ J. Peirats. Op. cit. P.100-104.

²⁵ D. Guerin. Anarchismus: Begriff und Praxis. Frankfurt a. M., 1967. S. 136-139.

²⁶ W. L. Bernecker. Anarchismus und Buergerkrieg: Zur Geschichte der sozialen Revolution in Spanien 1936-1939. Hamburg, 1978. S.207, 206.

действие каталонского декрета о социализации в металлургической и горнодобывающей промышленности и милитаризации военной промышленности в августе 1938 г.²⁷

Гораздо дальше зашла социальная революция в испанской деревне. Там сразу после 19 июля 1936 г. развернулся массовый процесс свержения местных властей. Все жители селения собирались на общее собрание на площади или в здании общинного совета и избирали революционный комитет. В Арагоне, а вскоре и в Леванте борьба против фашизма воспринималась как часть борьбы с капиталистическими порядками и неравенством. Крестьяне отбирали землю у помещиков, не дожидаясь правительственных декретов. Местные революционные комитеты и крестьянские профсоюзы собирали общие собрания. На них принимались решения о создании кооперативов, которые получили название «коллективы». При этом члены «коллективов» добровольно объединяли свою и захваченную у помещиков землю, а часто даже свои денежные средства. Каждая семья сохраняла небольшой огород исключительно для собственных нужд. Права тех, кто желал продолжать обрабатывать землю индивидуально, обычно соблюдались, если они обязывались делать это только собственными силами, без применения наемного труда. Трудно было исключить возможность морального давления на «индивидуалов» со стороны односельчан, но случаев непосредственного физического принуждения при испанской «коллективизации» практически не было. Часто «коллективы» объединяли всех жителей деревни или подавляющее большинство. Во многих коллективах вводилась посемейная оплата. Денежные средства богачей экспроприировались комитетами и помещались в банки. В некоторых местах выпустили собственные деньги или талоны. Комитеты брали под контроль распределение, цены устанавливались коллективно и контролировались. Торговля как таковая во многих местах вообще исчезла. Были организованы коллективные склады и магазины, которые часто помещались в бывших церквях²⁸.

Но и в деревне социальные преобразования шли нескоординированно, по разному. Частично это было связано с особенностями структуры земельной собственности. Если в Арагоне 80% обрабатываемой земли принадлежало помещикам, то в Леванте и Каталонии преобладала мелкая земельная собственность. И хотя среди этих мелких собственников было немало анархистов, которые тоже стали создавать коллективы, в Леванте и Каталонии на этом пути было больше трудностей. Здесь экспроприировались только земли помещиков. Но вызванная начавшейся войной нехватка продуктов и здесь побудила общинные советы принять меры по ограничению роли частной торговли и развитию социализации. За этим последовал этап создания полных коллективов, хотя и в меньшей мере поддержанных большинством местного населения.

²⁷ D. Guerin. Op. cit. S.142.

²⁸ J. Peirats. Op. cit. P.118-134; G. Leval. Op. cit. S.70-72.

Некоторые из них были весьма крупными и процветающими, но в большинстве из них сохранялись денежные отношения. Всего в Арагоне возникло около 400-450 сельскохозяйственных коллективов, в Леванте — 900, в Кастилии — 300, в Каталонии — 40, в Эстремадуре 30²⁹.

Наиболее далеко зашла революция в северном регионе Арагон, который считался «маяком революции»³⁰. Именно здесь, на территории, где анархистские народные ополчения под командованием легендарного революционера Буэнавентуры Дуррути вели тяжелые бои с фашистскими войсками, были сделаны решающие шаги на пути к анархистскому коммунизму, хотя официально он так и не был провозглашен.

В арагонских коллективах жили 300 или 400 тысяч человек — 70% населения региона; в их распоряжении находились 60% обрабатываемых земель³¹. В отношении «индивидуалов», не входящих в коллективы, конгресс в феврале 1937 г. принял следующее решение: поскольку мелкие собственники, желающие остаться вне коллектива, считают себя способными работать в одиночку, они не должны пользоваться преимуществами коллектива (до тех пор случалось, что им разрешали на определенных условиях пользоваться коллективными благами и услугами). Однако их право вести хозяйство по-своему должно соблюдаться, если они не препятствуют деятельности коллектива. При этом каждый из них должен иметь столько земли, сколько он может обработать самостоятельно. Применение наемной силы строгойше запрещается.

Арагонские деревни — это не чисто сельскохозяйственные поселения. Мы бы назвали их скорее небольшими городками. Каменные дома, жители, которые занимаются не только обработкой земли, но и ремеслом, местной промышленностью и т.д. Эти предприятия, а также службы быта, учреждения культуры и образования тоже обобществлялись. В поселениях были сильны древние общинные традиции. Все это облегчало объединение людей в свободные территориальные и хозяйственные сообщества, как это и предусматривалось в анархо-коммунизме.

Внутри «коллективов» не было какой-либо иерархии, все пользовались равными правами. Главным решающим органом всегда было регулярное общее собрание членов, которое собиралось раз в месяц. Для текущей координации коммунальной и хозяйственной жизни избирались комитеты, часто возникавшие на базе прежних революционных комитетов. Их члены — в основном, делегаты от отраслевых секций — не пользовались какими-либо привилегиями и не получали особого вознаграждения за свою работу. Все они, кроме технических секретарей и казначеев должны были продолжать обычную трудовую деятельность. Каждый взрослый член «коллектива» (кроме беременных

²⁹ G. Leval. Op. cit. S.78; Y. Oved. Op. cit. P.177-178.

³⁰ A. Paz. Op. cit. S.529.

³¹ Y. Oved. Op. cit. P.178; A. von Borries. Op. cit. S.35.

женщин) работал. Труд был организован на основах самоуправления. Бригады, состоявшие из 5-10 человек решали все основные рабочие вопросы на еженедельных собраниях. Избираемые на них делегаты выполняли также функции координации и обмена информации с другими бригадами. Во многих коллективах» применялся принцип перемены труда, работники перемещались из одной отрасли в другую по мере надобности. Промышленные предприятия были включены в хозяйственную систему общины, что способствовало воссоединению индустрии и сельского хозяйства. Коллективы объединялись в окружные федерации³².

Важнейшей мерой стала ликвидация денег. При этом арагонцы руководствовались не какой-то финансовой теорией, а своими этическими и революционными чувствами. В первые недели во многих «коллективах» вообще отменили вознаграждение за труд и ввели неограниченное свободное потребление всех продуктов с общественных складов. Но в условиях войны и дефицитов это было нелегким делом, тем более, что вне «коллективов» сохранялось денежное обращение. В сентябре 1936 г. большинство общин перешло на так называемую «семейную оплату». Каждая семья в «коллективе» получала равную сумму денег (в зависимости от «коллектива» примерно по 7-10 песет на главу семьи, еще 50% — на его жену и еще по 15% — на каждого другого члена семьи)³³. Эти средства предназначались только для покупки продуктов питания и предметов потребления и не должны были накапливаться. Во многих общинах вместо общегосударственных денег были введены местные купоны. В третьих существовали карточки и талоны. Определенные виды продуктов рационировались почти повсюду (шла война), зато некоторые (вино, масло и др.) во многих местах выдавались без всяких ограничений³⁴. До решения об отмене денег «в трети из всех 510 сел и городов, принявших коллективизацию в Арагоне, деньги были отменены и товары предоставлялись бесплатно из магазина коллектива по потребительской книжке», «в двух третях были приняты соответствующие заменители денег — боны, купоны, монеты и т.д., которые были действительны только в выпустивших их общинах»³⁵.

Первое время в деятельности отдельных общин проявлялось определенное местничество, сказывалось и стартовое неравенство «коллективов» — одни из них были зажиточнее, другие беднее. Как утверждал А. Зухи, вначале некоторые выступали против идеи хозяйственного планирования под лозунгом самообеспечения³⁶. Полная независимость «коллективов» друг от друга, различия в благосостоянии общин и в системе распределения затрудняли

³² J. Peirats. Op. cit. P.118-134, G. Leval. Op. cit. S.81-140.

³³ Y. Oved. Op. cit. P.183.

³⁴ G. Leval. Op. cit. S.71, 182-195.

³⁵ Ст.Цолов. В революционна Исмания — 1936-39 година. // Свободна мисъл. 1998. №5. Стр.5.

³⁶ A. Souchy. Op. cit. S.132.

координацию их хозяйственной деятельности. К этому призывали анархисты — сторонники углубления социальной революции, в том числе Дуррути, который лично агитировал «коллективистов»³⁷. В феврале 1937 г. в местечке Каспе состоялся конгресс «коллективов» Арагона с участием нескольких сотен делегатов. Было принято историческое решение о создании Федерации. Участники договорились усилить агитацию в пользу «коллективизации», создать экспериментальные фермы и технические школы, организовать взаимопомощь между «коллективами» с предоставлением друг другу машин и рабочих рук. Были отменены границы между селениями и упразднены коммунальные рамки собственности. Объединившиеся «коллективы» решили координировать обмен с внешним миром, создав для этого общий фонд из продукции, предназначенной на обмен, а не для собственного потребления общин, а также начав составлять статистику производственных возможностей. Наконец, предусматривалась полная отмена любых форм денежного обращения внутри «коллективов» и их Федерации и введение единой для всех потребительской книжки (по ее предъявлению предметы потребления выдавались бесплатно по норме). Последнее должно было помочь установить реальные потребности каждого из жителей региона, чтобы затем, ориентируясь на производства на конкретные нужды людей, перейти к анархо-коммунистической практике «планирования снизу». Наконец, было принято и решение политического характера. Центральное правительство все время пыталось взять под контроль непокорный Арагон. Оно настояло на включение в Совет обороны Арагона — орган, состоявший вначале целиком из анархистов — членов других партий. В январе 1937 г. оно распорядилось восстановить в регионе муниципальные советы. В ответ конгресс в Каспе решил, что они не должны вмешиваться в хозяйственную деятельность коллективов³⁸.

Деятельность арагонских «коллективов» оказалась чрезвычайно успешной. Даже по официальным данным, урожай в регионе в 1937 г. возрос на 20%, в то время как во многих других районах страны он сократился³⁹. В Арагоне строились дороги, школы, больницы, фермы, учреждения культуры — во многих селениях впервые; осуществлялась механизация труда. Многие жители впервые получили доступ к медицинскому обслуживанию и свободному, антиавторитарному образованию (врачи и учителя становились полноправными членами «коллективов»).

Многие коллективы не платили налоги властям. Они предпочитали добровольно помогать непосредственно фронту. И это тоже вызывало гнев правящих кругов.

Путь Арагона к анархо-коммунизму был прерван испанской буржуазией в

³⁷ A. Paz. Op. cit. S.477-480.

³⁸ G.Leval. Op. cit. S.81-88; J. Peirats. Op. cit. P.128-129; W. Bernecker. Op. cit. S.110-111, 125-126.

³⁹ Y. Oved. Op. cit. P.182.

союзе со сталинистской «компартией», которая взяла класс собственников под свою защиту. Уже декрет правительства в декабре 1936 г. легализовал только небольшую часть захватов земли и распорядился вернуть остальное. Резко возражала против социалистической революции в Испании ИКП; она утверждала, что в стране следует осуществлять только буржуазно-демократические преобразования в рамках единого антифашистского фронта и выступала против социально-революционных мер анархистов, против социализации промышленности и создания сельских коммун. В сталинистскую партию повалили мелкие собственники, предприниматели, зажиточные крестьяне-индивидуалы, торговцы, чиновники и офицеры⁴⁰. В мае 1937 г. «коммунисты», превратившиеся в основную контрреволюционную партию в республиканской зоне, спровоцировали кровавые бои в Барселоне. Полиция под командованием «коммунистов» напала на рабочих-анархистов. В ходе боев пролетариям почти удалось разгромить силы буржуазно-сталинистской коалиции, но здесь ведущие активисты НКТ снова проявили нерешительность, пойдя на соглашение с правительством. Победа была украдена. Правительственные войска, вступившие в столицу Каталонии, развернули террор против анархистов и других левых. Затем пришла очередь Арагона. В августе 1937 г. республиканское правительство разогнало Совет обороны Арагона, возглавлявшийся анархистами. Танковый дивизион «коммунистического» генерала Листера был снят с фронта и железными гусеницами прошла по арагонским коммунам. Треть «коллективов» была распущена, остальные так никогда и не оправались от разгрома. Сотни активистов были арестованы, многие казнены и высланы. Центральное правительство предъявило всем испанским коллективам ультиматум — легализоваться до 31 октября под угрозой роспуска. Над оставшимися был введен жесткий государственный контроль⁴¹. В политической сфере и в области промышленности комитеты НКТ также шли на все новые и новые уступки, соглашаясь на милитаризацию (создание регулярной армии), вступление в «Народный фронт», широкие меры государственного контроля и т. д. в обмен на легализацию части «коллективных» предприятий и хозяйств и на получение оружия частями, контролировавшимися анархистами. Внутри движения росло сопротивление против уступок (так называемой «обстоятельствщины») — в оппозицию перешли некоторые местные группы анархистов (например, в Любрегате), ассоциация «Друзей Дуррути», каталонская федерация либертарной молодежи (объединявшая до 40% членов «Либертарной молодежи» Испании)⁴². Но они уже мало что могли сделать. К началу 1938 г.

⁴⁰ A. von Borries. Op. cit. S.40.

⁴¹ J. Peirats. Op. cit. P.221-231.

⁴² Ibidem. P.220, 240-246, 267-270; D. Berry. Face a la guerre civile d'Espagne. // «Itineraire».1995. Nr.13. P.52-60; W.L. Bernecker. Mythos des Anarchosyndikalismus. // «Schwarzer Faden».1996. Nr.2. S.48; F. Piqueras. Los Amigos de Durruti. // «cnt». 1993. Febrero. P.6. См. также тексты «Друзей Дуррути», опубликованные в газете «El Amigo del Pueblo. Portavoz de los Amigos de Durruti».

революционным анархистам стало ясно, что революция проиграна. Прежде всего, был утерян революционный энтузиазм масс, чувство, что они не просто воюют как солдаты против другой армии, а именно сражаются за новый мир, за свою свободу. В быту, в повседневной жизни, в настроениях людей возвращались старые порядки и нравы (это очень хорошо показал Оруэлл в своем «Каталонском дневнике»). Сбылось то, о чем предупреждал итальянский анархист Камилло Бернери, убитый сталинистами в 1937 г. в Барселоне: если война не будет вестись как революционная, она неминуемо будет проиграна⁴³. Подъем сменился усталостью и безразличием.

В марте 1938 г. франкистские войска ворвались в обескровленный и обессиленный Арагон и довершили дело контрреволюции. Через год пришел конец и всей Испанской Республике.

Испанская революция проиграла. Но она погибла с честью, в борьбе, пав под натиском превосходящих сил старого мира. Позорно не потерпеть поражение, а предать свои цели и идеалы, сменив с трудом завоеванную свободу на новое рабство, может быть, еще худшее, чем то, которое было низвергнуто.

---

⁴³ См.: С. Berneri. Guerre de classes en Espagne 1936-1937 et textes libertaires. Paris, 1977. P.36-40, 56-66.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт
21 мая 2012

Вадим Дамье
Испанская революция и коммуны Арагона

www.kras.fatal.ru